

ISSN 0042-8744

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2

2006

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 2

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2006

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

"НАУКА"

СО Д Е Р Ж А Н И Е

IV Российский философский конгресс

В.А. Садовничий – Знание и мудрость в глобализирующемся мире	3
В.С. Степин – Философия и эпоха цивилизационных перемен	16
В.В. Миронов – Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии.....	27
Н.В. Мотрошилова – Варварство как оборотная сторона цивилизации.....	44
А. Кармин – Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы	52
В.Е. Кемеров – Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии	61
А.П. Козырев, Е.В. Косилова, В.И. Маркин – Об итогах IV Российского философского конгресса	79

Философия, культура, общество

Н.С. Автономова – О философском переводе	89
С.Б. Лугвин – Социальные трансформации и государственная бюрократия.....	102
А. Умланд – "Консервативная революция": имя собственное или родовое понятие?.....	116
В.А. Сендеров – Историческая русская государственность и идея "Третьего Рима".....	127

Философия и наука

Я.В. Тараров – Современная космология – взгляд извне.....	142
И.М. Фейгенберг – Человек Достроенный и биосфера.....	151
Р.Е. Ровинский – Синергетика и процессы развития сложных систем	162

Научная жизнь

О.Т. Ермишин – Научное наследие В.В. Зеньковского (заметки о чтениях в обществе историков русской философии)	170
С.С. Фаддеев – Семинар "Русская философия (традиция и современность)"	175

Критика и библиография

В.И. Мильдон – Н.А. Хренов. "Человек играющий" в русской культуре.....	182
Л. Люкс – Johannes Rogalla von BIBERSTEIN. Jüdischer Bolschewismus. Mythos und Realität. Йоханнес Рогалла фон БИБЕРШТЕЙН. Еврейский большевизм. Миф и реальность.....	186
Научный семинар "Философия – образование – общество"	190
Наши авторы.....	191

Главный редактор – Лекторский Владислав Александрович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.А. Лекторский (главный редактор), **П.П. Гайденко**, **А.А. Гусейнов**,
В.П. Зинченко, **А.Ф. Зотов**, **В.К. Кантор**, **В.В. Миронов**,
Н.В. Мотрошилова, **А.П. Огурцов**, **Т.И. Ойзерман**,
Б.И. Пружинин (заместитель главного редактора), **А.М. Руткевич**,
В.Н. Садовский, **В.С. Степин**,
Н.Н. Трубникова (ответственный секретарь), **В.С. Швырев**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Швейцария), **Ш. Авинери** (Израиль), **Т. Имамичи** (Япония),
У. Ньютон-Смит (Великобритания), **Ю. Хабермас** (ФРГ),
Р. Харре (Великобритания)

Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии¹

В. В. МИРОНОВ

Глобальное коммуникационное пространство и кризис культуры

В настоящее время в мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Человек может получить практически любую информацию о событиях, происходящих в мире, через глобальные сети Интернета. Более того, данная информация – может быть, впервые в истории человечества – оказывается неподвластна какой-либо цензуре. А поскольку количество людей, объединяемых данной сетью, огромно и непрерывно увеличивается, то обработка такого массива информации позволяет получить действительно объективную картину, не зависящую от пристрастий конкретного участника данного процесса, и практически мгновенно довести ее до других людей. Правда, одновременно такая свобода и объективность информации может оказаться во многом мнимой, так как ее объем столь велик, что разобраться в нем без специальной фильтрации невозможно.

Для ряда стран, в которых долгие годы качество информации определялось идеологическими пристрастиями, такая ситуация стала революцией во всей сфере общения, влияющей на остальные компоненты социальной системы, да и для наиболее развитых в этом отношении стран, например таких, как США или Япония, характерно столь существенное изменение системы коммуникации, пронизывающей все общество, что это позволяет говорить о новом образе жизни. Компьютер, воплотивший в себе всю систему новейших коммуникационных технологий, уже стал не просто техническим средством, а своеобразным продолжением самого человека, дополняя его возможности и помогая ему решать самые разнообразные задачи, от чисто бытовых до высоко творческих в области науки, искусства и техники.

¹ Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на пленарном заседании IV Российского философского конгресса.

Влияние компьютеризации общества на нашу жизнь сделалось столь велико, что заставляет подстраиваться под эти процессы всю социальную систему. В качестве примера можно привести процесс перенесения языка общения человека с компьютером в систему общения между людьми. Дело в том, что необходимым условием общения человека с компьютером является определенная алгоритмизация языка. По отношению к естественному языку – это процесс его упрощения за счет минимизации содержания используемых понятий, которые должны быть понятны большинству людей. Отсюда и введение неких мировых интегративных понятийных обозначений, – обозначений, понятных всем, кто постоянно общается через компьютер, которые, правда, одновременно могут стать недоступными для людей, не вовлеченных в это общение. Но речь идет не просто об изменении слов, а об изменении самого стиля мышления. Процесс общения с компьютером необходимо оперирует большим числом взаимоисключающих, алгоритмизированных понятий, с помощью которых происходит смысловое упорядочивание мира. "Эта его упорядочивающая способность притязает на охват реальности в целом... на универсальность. И компьютеры как оптимальное средство упорядочивания являются отличной поддержкой для этих притязаний"². В конечном счете это может повлиять и на характер выбора решений, их жесткость, что, в свою очередь, способно воплотиться в реальной жизни и по отношению к реальным людям.

Уже сегодня пространство интернет-общения заставляет и в реальной жизни говорить на упрощенном языке, от чего остается один шаг до упрощенных, а значит, менее продуманных действий. Мы погружаемся в пространство мировой инфосферы, которое, как остроумно заметил Дуглас Рашкофф, оказалось живым и все более втягивает нас в себя, заменяя все иные виды общения. Начиная играть в компьютерные игры, ребенок, становясь взрослым, переносит законы этих игр на реальную жизнь³, виртуализируя ее. Компьютер, будучи универсальным средством обработки текстов и действительно во многом реальным помощником, неизбежно способствует универсализации языковых средств выражения. Это может привести к неконтролируемому процессу компьютерной рационализации человеческого мышления. Последнее биологически основано на гармоничном разделении левосторонних и правосторонних функций мозга, что является основой целостного (рационального и эмоционального) восприятия мира. "В некоторой степени характер труда в условиях массовой компьютеризации способствует усилению рационализма, возникает его новая форма – компьютерный рационализм"⁴.

Проявлением данного типа рационализма может стать потеря человеком способности диалектического восприятия мира и снижения его интуитивных возможностей. Действительно, в ходе научного творчества человек не всегда идет по пути перебора всех вариантов решения той или иной задачи. На помощь ему приходит интуиция, основанная на практическом и теоретическом опыте ученого, которая позволяет понять сущность исследуемого явления в условиях эмпирической неполноты.

Конечно, придерживаясь оптимистической точки зрения, можно сказать, что компьютер настолько ускоряет "перебор вариантов", что ученому нужно сделать лишь окончательный выбор. Машина берет на себя наиболее рутинную часть работы исследователя. "Если бы Птолемей, Коперник и Кеплер имели бы в своем распоряжении современную ЭВМ... переход от птолемеевской геоцентрической модели... к кеплеровской гелиоцентрической системе... произошел бы неизмеримо быстрее"⁵. Прав-

² Хамелинк Кеес Дж. Культура в век электронных средств коммуникации // Культуры. ЮНЕСКО. 1985. № 4. С. 29.

³ См.: Рашкофф Д. Медиа вирус. М., 2003. С. 36–40.

⁴ Смолян Г.Л. Социально-философские проблемы развития электронно-вычислительной техники // Вопросы философии. 1984. № 11. С. 75. См. также: Миронов В.В. Компьютеризация: проблемы и перспективы (социальный аспект) // Философские науки. 1987. № 7.

⁵ Фейнберг Е.Л. Интеллектуальная революция // Вопросы философии. 1986. № 8. С. 42.

да, в этой ситуации может возникнуть другая проблема. Количество предлагаемых решений может быть столь велико, что сам выбор из гипотетически верных во многом окажется случайным. Кто знает, может быть, гелиоцентрическая система никогда бы не была разработана с помощью компьютера, так как перебираемые "правильные" факты могли заслонить догадку (не имеющую достаточного фактического подтверждения) о том, что Земля обращается вокруг Солнца по эллипсу. Слишком много было бы отмечено побочных следствий влияния других планет. «Ведь орбиту Марса определяет не только Солнце, но и остальные планеты. Машина выдаст некую замкнутую кривую. Но вовсе не факт, что нашему современнику удалось бы с первого взгляда распознать в ней "испорченный" десятком возмущений эллипс»⁶. Поэтому опасность потери способности человека к интуиции, позволяющей превосходить перебор самых объемных массивов информации, существует, и она отнюдь не "безобидна". Это уже имеет место, когда речь заходит о решении технических и прикладных проблем. По словам Пархомовского, "ЭВМ принесли с собою потерю того, что всегда называлось инженерной интуицией"⁷.

Таким образом, резко расширяя возможности общения между культурами, новейшие средства коммуникации одновременно порождают целый спектр коммуникативно-психологических проблем и прежде всего проблему адаптации к ним человека. Изменяется качество информации, которая передается уже не только на уровне понятий, что требует ее внутренней смысловой обработки, но и на уровне образов. Информация становится внешне более доступной, легко воспринимаемой. Это резко увеличивает скорость ее обработки и накопления. Однако одновременно это приводит и к невиданным ранее возможностям трансформации ее содержания, вплоть до полного искажения при сохранении видимости объективности.

Последнее обстоятельство связано с тем, что визуально-образная информация воспринимается субъектом как более объективная, чем та, что передается традиционными методами – через газеты или книги. На уровне обыденного сознания не всегда удается осознать тот факт, что информационные фрагменты, которые мы своими глазами видим на телевизионном экране и которые уже в силу этого (ведь мы не читаем текст, который всегда воспринимается как написанный кем-то) выглядят как единственно объективные, на самом деле являются такими же скомпонованными, как и газетные статьи. Кроме того, более мощное воздействие видимых образов связано и с устройством человеческого мышления. "С точки зрения деятельности мозга, газетная информация в первую очередь обращена к левому полушарию, отвечающему за его теоретическую, аналитическую, рациональную деятельность, тогда как средства вещания в большей степени апеллируют к правому полушарию, которое связано с эмоциональным, чувственным и художественным восприятием... два средства коммуникации по-разному стимулируют социальное поведение человека"⁸.

В результате, если текст как некая система зафиксированных понятий предоставляет человеку возможность аналитической работы над ним, то аудиовизуальные средства могут как бы навязывать индивиду конкретное, образное восприятие информации, которое рационально контролируется им в меньшей степени, что создает невиданные возможности для манипулирования сознанием как отдельного человека, так и общества в целом. В некоторых случаях такое воздействие может приобретать гипнотический характер и быть полностью неподконтрольным человеку, влияя на "низшие" уровни человеческой психики, как бы возвращая человека в первобытное состояние, когда на первом плане стояло речевое общение между людьми.

⁶ Пархомовский Я.М. Инженер и ЭВМ // Химия и жизнь. 1986. № 3. С. 37.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Эддири С. Техника и средства массовой коммуникации в мире будущего // Культуры. ЮНЕСКО. 1985. № 4. С. 20.

В то же время процесс компьютеризации общества несет в себе громадный гуманистический потенциал. Именно процесс глобальной компьютеризации и превращения всего человечества в единую информационную систему может выступить мощнейшим фактором раскрытия творческих потенций личности, освободив человека, работающего в естественно-научной или гуманитарной области, в сфере искусства, в обычной жизни, от рутинного, в некоторых случаях формально-вспомогательного труда, на который во всех этих областях может уходить больше времени, чем непосредственно на процесс творчества как такового. Даже передача только этих операций компьютеру, что составляет на самом деле ничтожную часть его возможностей, создает предпосылки для истинно творческого труда, осуществляя процессы самореализации личности, изменяя характер самого творчества.

В культуре, может быть, впервые появляется действительная возможность великого синтеза не только между гуманитарными и естественными науками, но и вообще между всеми видами творческой деятельности. Интегративный потенциал компьютеризации (всего научно-технического прогресса) может быть соединен с широким социокультурным и философским подходом к действительности. Уже сейчас начинается действительное выявление роли "внелогических компонентов в естественно-научном и математическом творчестве... одновременно с "обратным" процессом математизации в гуманитарной сфере... Это сближение методов, используемых в обеих сферах духовной деятельности, ведет к росту взаимопонимания "двух культур", но не разрушает их специфики, различия в объектах и целях развивающегося в каждой из них творчества"⁹.

Все перечисленные выше процессы, связанные со становлением глобального коммуникационного пространства, настолько сильно влияют на всю систему общечеловеческой культуры, что вновь заставляют задуматься над перспективами ее развития. Ушел XX век, наступило следующее столетие, и нас опять волнует проблема оценки уходящего и варианты развития грядущего. Снова ученые и философы говорят о кризисе и даже исчезновении культуры, и данная проблема получает сегодня не только свое заострение, но и связана с некоторыми обстоятельствами, которых не было ранее. Проблема анализа состояния культуры, соотношения ее структурных элементов, выделения ее лидирующих компонентов приобретает особое значение в ситуации, когда под воздействием научно-технического прогресса происходят существенные изменения в системе коммуникации как между отдельными людьми, так и между культурами в целом. Научно-технические открытия в этой области оказывают сильнейшее влияние на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Это заставляет ряд исследователей рассматривать науку и созданную с ее помощью систему коммуникации, в которую оказались втянутыми элементы культуры, в качестве доминирующего фактора современной цивилизации. Вновь получают подкрепление антициентистские настроения, и, как крайность, возникают рассуждения о гибели культуры и переходе человеческой цивилизации к внекультурной стадии развития.

В связи с этим попытаемся описать становления глобального коммуникационного пространства, его влияния на изменение системы смыслового взаимодействия между культурами и отражение этих процессов в философии как своеобразном зеркале (душе, квинтэссенции) культуры.

Классическая культура как система локальных культур

Для того чтобы разобраться в том, что происходит в культуре сегодня, нам необходимо выявить особенности строения культуры и механизмы ее развития. Безусловно – и это первое, что всегда бросается в глаза, – в культуре имеются как бы два относительно самостоятельных пласта. Во-первых, это *субстанциальная культура*, пред-

⁹ Фейнберг Е.Л. Там же. С. 45. См. также: Миронов В.В. Там же.

ставляющая собой прежде всего совокупность результатов деятельности людей по созданию материальных и духовных ценностей. Это "музейная", застывшая часть культуры. Однако к этой же части культуры относится и так называемая система общечеловеческих ценностей. С позиции индивида она также представляется застывшей и неизменной, даже вечной, так как появление новых элементов в этой системе происходит очень медленно и часто превосходит срок жизни одного или даже нескольких поколений.

Второй пласт культуры я бы обозначил как систему операционально-целесообразных ценностей, которые являются более текучими, составляя ее цивилизационную часть. В культуре сохраняется баланс этих двух пластов. Превалирование неизменных ценностей превращает культуру в мертвый памятник, а доминирование цивилизационных компонентов лишает ее ценностной опоры.

В данном контексте меня в большей степени будет интересовать не столько субстанциональная сущность культуры, сколько ее особенности, связанные с взаимодействием различных культур и спецификой этого взаимодействия сегодня.

Даже "застывшая" часть культуры на самом деле – застывшая относительно, так как изменяются ее оценки в качестве элементов культуры или, точнее, ступени ее ранжирования. Также подвержены изменению и эволюции системы "высших" ценностей культуры. Таким образом, *культура – система изменяющаяся*. Но, что важно для предлагаемого исследования, культура – это еще и система "устойчивых, воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей – объективированными в знаковых системах и живых человеческих сознаниях нормами морали и права, философскими мировоззрениями, эстетическими пристрастиями, религиозными верованиями, доминирующими в том или ином человеческом коллективе"¹⁰.

Если с этих позиций вернуться к проблеме кризиса культуры, то необходимо задать вопрос о том, по отношению к какой культуре, и по отношению к какой части культуры делается данный вывод.

До определенного периода культура, при всем понимании неизбежности ее развития, выглядела преимущественно как "застывшая", статичная система, так как структурные изменения в ней происходили очень медленно, на чем мы специально остановимся ниже. Данный вариант культуры можно обозначать как классический, но мы будем здесь использовать также термин, связанный с семиотической интерпретацией данной проблемы, и обозначим ее как "локальную культуру"¹¹. Главным смысловым стержнем такой культуры выступал Разум (что, в частности в философии, трактуется как господство классической рационально-теоретической парадигмы), и это порождало своеобразную веру в науку, его олицетворявшую.

Поскольку наука и научная деятельность в целом представляли собой относительно замкнутую сферу, то вершиной образования считалось образование элитарное (не для всех), которое было реализовано начиная со средних веков в университете как социально-культурно-образовательном институте. **Университет стал моделью культуры традиционного классического типа.** Таковой моделью он остается, кстати, по сей день, делая университетские образование и науку неким островком в современной культуре, с ее динамизмом и стремительно изменяющимся пространством коммуникации.

Однако нашей целью является не анализ локальной культуры в целом, а лишь некоторых ее аспектов, связанных с нею как информационной системой. Суть изменений, происходящих в локальной культуре, мы можем понять через те ее характеристики, которые, на наш взгляд, подвергаются изменению именно сегодня, когда культура погружается в "пространство" глобальной коммуникации.

¹⁰ Там же.

¹¹ Понятие, используемое в ряде работ Ю.М. Лотмана.

Как было сказано, динамика развития описываемой модели культуры всегда была относительно медленной: она представляла собой по отношению к другим социальным явлениям некоторую **стационарную**, почти застывшую систему, которая оставалась одинаковой для многих поколений. Основные ее культуuroобразующие компоненты были стабильны. Их смена осуществлялась настолько медленно и постепенно, что оценить изменения можно было лишь по прошествии очень длительного временного интервала. Признак стабильности стал как бы символом культуры как таковой.

В основе локальных культур лежал "**аристократический принцип**" отбора, основанный на достаточно длительной адаптации ценностей, претендующих на статус общечеловеческих (культурных), к господствующим культурным компонентам. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эта необходимая **консервативность и элитарность** определяли лицо классической культуры.

Относительная стабильность (слабая динамика по отношению к индивидуальному сознанию), аристократический принцип отбора, элитарность и замкнутость не могли быть самовыражением каждого из индивидов системы культуры в целом. Индивиды располагались на разных культурных уровнях, определяя тем самым культурное разнообразие системы в целом. В результате в культуре как в живом организме образовались механизмы для разрешения противоречий различных культурных уровней, разных культурных начал. Сформировался мощный адаптивный механизм, позволяющий ей относительно безболезненно приспосабливать к себе новые компоненты и одновременно модифицировать всю систему культуры.

В основе такого механизма лежит структурное распадение культуры на два больших пласта (верхний и нижний), которые дополняют друг друга. Двойственный характер культуры отражает наличие двух векторов самореализации творчества людей, связанных с разными условиями их жизненной среды.

На это в свое время обратил внимание М.М. Бахтин, анализируя так называемую "смеховую культуру", которую он относил к части народной культуры, противостоящей высокой, отражающей как бы официальное отношение общества к культурным ценностям. Смеховая культура периода средневековья и Ренессанса оформляется в обрядово-зрелищную карнавальную форму, являясь имитацией элитарных образцов культуры. Особенностью карнавала было то, что он выступал "как бы реальной (но временной) формой самой жизни, которую не просто разыгрывали, а которой жили почти на самом деле на срок карнавала... Реальная форма жизни является здесь одновременно и возрожденной идеальной формой... Итак, в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью"¹². Низовая культура вбирает в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, которые характерны для большинства людей в их повседневной жизни. Она, в силу своей открытости, в большей степени подвержена изменениям.

С другой стороны, культура вырабатывает продукты, которые далеко отстоят от стандартных жизненных стереотипов и представлений, удалены от реальности, представляя собой особый идеальный культурный пласт. Эта верхняя, рафинированная часть культуры постепенно оформляется как Культура "с большой буквы". Она принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности. Она требует определенной подготовки при ее восприятии, определенной формы организации пространства для репродукции своих образцов. Ценности "верхней" культуры именно за счет того, что они приняли рафинированную форму, как бы охраняют себя от влияния извне. Эта идеализированная часть культуры стабильна, настороженно относится к изменениям и обеспечивает некий базис общечеловеческой культуры. В ней вырабатываются механизмы блокирования проникновения продуктов низшей культуры.

¹² Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 12–13.

Эту "охранительную" функцию часто осуществляет язык другой культуры, который принимается в качестве специального языка избранных. Так было с использованием латыни в Западной Европе¹³, так было в русской культуре XVIII–XIX вв. с использованием французского языка.

Иначе говоря, культура представляет собой диалектическое образование, противоречивые стороны которого в виде противоположных культурных тенденций – массового и элитарного – находятся в относительном единстве. С одной стороны, она вбирает в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, которые характерны для большинства людей в их повседневной жизни. С другой – в культуре вырабатывается такой вид деятельности и такие продукты этой деятельности, которые далеко отстоят от стандартных жизненных стереотипов и представлений, удалены от реальности, представляя собой особый культурный пласт.

Противоречие заключается в том, что каждый человек, участвуя в образовании культуры, одновременно испытывает на себе влияние обеих сторон, подчиняясь имеющимся структурным связям, которые выводят индивида за рамки его собственных качеств: человек живет согласно неким общекультурным представлениям, ориентируется на них как на некие эталоны. Для людей они выступают как общекультурные и общечеловеческие ценности. А особенности индивидуальной жизни, жизненной среды и условий определяют форму и характер каждодневной жизни человека, которая может значительно отстоять от элитарных форм, но все же, через нормы и традиции, связана с ними. "Лишь вместе, во взаимоопосредовании и взаимообусловленности, составляют оба эти начала общественную реальность, лишь вместе, в непрестанном взаимодействии составляют они жизнь человечества"¹⁴.

Уже это придает культуре **диалогичный характер**. Культурный диалог осуществляется внутри единого целого. "Диалог воплощает диалектику развития, диалектику, раскрытую в будущее и в этом смысле исторически положительную, – положительную как в объективном, философском и историческом смысле, так и в смысле субъективно-человеческом, нравственном"¹⁵. Эта оппозиция "верхней" и "низовой" культуры является культурной оппозицией, не выходит за ее рамки, как в античности не выходила за рамки культурности оппозиция героя и трикстера.

Такая оппозиция высокой и низкой культуры привела к выработке еще одного культурного механизма, выражающегося в дихотомии "**прикровенность-откровенность**". Все, что относится к высокой культуре, постулируется областью необходимого для истинно культурного человека, а элементы обычной жизни считаются лежащими вне культуры. Это периферия, изнанка бытия (по Кнабе), которую надо скрыть, прикрыть. Поэтому высокая культура всегда была культурой прикрытого, сокрытого от всех, не позволяющего обсуждать некоторые компоненты человеческого бытия и особенно быта. Это доходило до абсурда, который в гротескной форме описал Гоголь, зафиксировав внутрикультурную оппозицию между обыденностью, бытом, простотой поведения, отраженного в языке нормального человека, и семантическим его инвариантом, якобы отражающим существование человека в "высокой" культуре. Дамы города N были то, что называют, "презентабельны". «Никогда не говорили они: "я высморкалась", "я вспотела", "я плюнула", а говорили: "я облегчила себе нос", "я обошла посредством платка". Ни в коем случае нельзя было сказать: "этот стакан или

¹³ Г.С. Кнабе приводит блестящий пример языкового разрыва в понимании из романа Умберто Эко "Имя розы", где "есть сцена, в которой суд инквизиции приговаривает к смерти ни в чем не повинную крестьянскую девушку. Она кричит о своей невинности, объясняет, что случилось, но ни судьи, ни монахи не реагируют – привыкшие к своей латыни, они не воспринимают местный крестьянский говор... для них это набор звуков" (Кнабе Г.С. Двуетниство культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 20).

¹⁴ Кнабе Г.С. Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 28.

эта тарелка воняет". И даже нельзя было сказать ничего такого, что подало бы намек на это, а говорили вместо того: "этот стакан нехорошо ведет себя..."»¹⁶.

Еще один важный признак классической культуры – это **принцип завершенности**. Культура является замкнутой и самодостаточной системой культурных общечеловеческих смыслов и значений. Творческий процесс реализовывался в завершенных произведениях, будь то творения музыканта, архитектора или философа, а эталоном текста вообще выступал завершенный литературный текст. "Завершенность" неизбежно была связана с ограниченностью (по крайней мере, в виде границ, отделяющих от других объектов). Этому противостояли часто оборванные, неструктурированные, странные и даже неприличные тексты "низовой" культуры. В этом смысле низовая культура в большей мере случайна, но ближе к жизни. Тексты, ее выражающие, разнообразнее, так как носят индивидуальный характер и в меньшей мере ограничены стереотипами. Тексты высокой культуры – эталоны, построенные по принятым культурным стандартам. Именно текст высокой культуры стоит в центре понимания локальной культуры, создавая порой впечатление, что другого просто нет.

Замкнутость и самодостаточность локальной культуры проявляется в ее противопоставлении (иногда достаточно жестком) иным культурам. Каждая из культур вырабатывала в себе некий "иммунитет" к другой культуре, не пропускающий чуждых элементов и влияний. Поэтому одной из центральных культурных оппозиций системы локальных культур, отмечает Г.С. Кнабе, была оппозиция – "**свой – чужой**", в которой свое, внутрикультурное рассматривалось как истинное, а чужое – как отрицание моего, а значит, враждебное, ложное. Поэтому тезис о единой общечеловеческой культуре как целостной системе оставался скорее лишь метафорой. Не существовало целостной культуры, а имелась **система локальных культур**, отдаленных друг от друга даже пространственно. Взаимосвязь между ними была лишь относительной. Признавая наличие других культур, любая локальная культура всегда рассматривала себя как высшее выражение человеческой культуры в целом.

Системообразующим элементом культуры является язык, поэтому ее можно интерпретировать как семиотическую систему. В этом плане классическая культура была относительно замкнутой семиотической системой. Соответственно, общение между культурами осуществлялось в ситуации, когда другая культура представляла собой закодированную систему, коды которой необходимо расшифровывать. Другая культура, как отмечал Ю.М. Лотман, это память, закодированная реальным языком. "Язык – это код плюс его история"¹⁷. Иначе говоря, если бы в другой культуре нам все было понятно, она не была бы для нас другой, была бы тождественна нашей (а значит, в определенном смысле неинтересной, скучной). Поэтому познание другой локальной культуры требовало усилий и осуществлялось путем погружения индивида во всю систему данной культуры, в том числе, в идеале, и путем погружения в обыденную культуру. Вспомним, как Пушкин характеризует Ленского, с его душой, уже не русской, а геттингенской:

*"Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч".*

Диалог культур реализуется внутри особого коммуникационного пространства, который Ю.М. Лотман очень удачно обозначил термином "семиосфера", так как в это

¹⁶ Гоголь Н. Мертвые души // Повести. Пьесы. Мертвые души. М., 1975. С. 439.

¹⁷ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

пространство включается не только сумма языков, но и социокультурное поле их функционирования¹⁸.

В рамках такой семиосферы область пересечения (тождества) была относительно невелика, а область непересекаемого огромна. Пересекались лишь наименьшие по объему смысловые части культур, а остальное, почти бесконечное по объему, требовало культурной интерпретации, перевода. Необходимость понимания вела к расширению области пересекаемого, но наибольшую смысловую ценность имела именно сфера непересекаемого. Лотман вводит для обозначения данной ситуации понятие "напряжения", то есть силового сопротивления между двумя культурами как семиотическими системами.

Область тождества выступает предпосылкой для проникновения в область нетождественного, неизвестного для проникающей культуры, а потому нетривиального и интересного. Именно познание области несовпадения (изначального непонимания) культур обогащает их новыми смыслами и новыми ценностями, хотя и затрудняет сам факт общения и в абсолютном смысле делает одну культуру непознаваемой для другой. Поэтому здесь мы можем говорить лишь об условном совпадении, о своеобразном динамическом тождестве разных культур. Поскольку в качестве носителей языка (носителей смысла) в конечном счете выступают конкретные люди, которые формируются в конкретно-исторической культурной ситуации и несут в себе традиции своего этноса – то, что можно назвать исторической памятью, – абсолютная идентичность представителей разных культур невозможна. И с этим же связана необходимость "диалога культур" (о которой говорили М. Бахтин и Д. Лихачев), ибо, действительно, понимание собственной культуры может быть осуществлено лишь через познание другой культуры.

"Диалог культур" – это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих. Главным средством этого процесса выступает язык, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры. Зная иной язык, я необходимо адаптирую (перевожу) смыслы другой культуры. Сопоставляя же иную и свою культуры, я необходимым образом понимаю ценность и своеобразие собственной культуры. В результате такого развития культуры взаимобогащают друг друга, обеспечивая развитие всей общечеловеческой системы культуры. А отсюда следует практический методологический вывод. Понимание культуры как диалога культур – это область философского исследования, которое не может быть заменено знаниями филологических, лингвистических, социологических, историческими и т.д. Именно в этом смысле философия стоит в центре того, что когда-то очень метко называли "науками о духе", и в этой своей ипостаси она непосредственно выражает не только смысл культуры той или иной эпохи, но и смысл культуры в целом, увеличивая сам культурный массив смыслов.

Трансформация культуры в эпоху глобализации

Описанное состояние культуры на рубеже XIX–XX вв. начинает разрушаться. Становление информационного общества оказывает влияние на все ее структурообразующие компоненты. Позволю себе сказать, что аналогичных процессов в истории человеческого общества не было. До сих пор любые новые образования достаточно гармонично вписывались в систему культуры, постепенно адаптируясь к ней. Сегодня мы скорее наблюдаем процесс необходимой адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному пространству. Активность информационных процессов столь высока, что заставляет подчинять себе традиционные элементы культуры и прежде всего изменяет традиционную систему культурной коммуника-

¹⁸ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 194.

ции. В результате начинается **разрушение локального характера культуры**. Происходит становление некоего общего коммуникационного пространства, которое как бы пронизывает все культуры, навязывая им общепринятые стереотипы коммуникации.

Фактически мы оказались втянутыми внутрь глобального коммуникационного пространства, которое резко меняет характер диалога между культурами. Сегодня коммуникация как таковая является самостоятельной силой, находящейся вне диалога культур, но оказывающей огромное влияние на диалог культур. Она в буквальном смысле вынуждает вести его по своим законам и правилам. Культуры погружаются в иную внешнюю среду, которая пронизывает межкультурные диалоги, создавая предпосылку для замыкания их в среде Глобального Коммуникационного Пространства.

Это пространство – не просто средство, обеспечивающее диалог внутри семиосферы (т.е. внутри смысла и социокультурных значений каждой из культур). Семиосфера подразумевала различие между культурами именно как условие общения. Современное коммуникационное пространство, напротив, само создает правила и способы общения, вынуждая культуры говорить на этом языке. Развитие культуры в этих условиях становится более динамичным. Она теряет свою главную особенность, характерную для эпохи локальных культур, – стационарность, связанную с перечисленными выше признаками такой культуры (завершенностью, наличием соответствующих культурных оппозиций и пр.).

Поэтому, если говорить о наступившем "кризисе культуры", то интерпретировать его следует прежде всего как *резкое изменение коммуникационного пространства, все более разрывающего границы между культурами и создающего предпосылки (новые культурообразующие компоненты) иного типа культурного единства*.

Проявляется это, в частности, в том, что в общемировом общении начинают господствовать интегративные языковые тенденции. Одним из результатов этого процесса становится подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен распространить себя в силу политических, научно-технических и других условий. Мир начинает говорить на языке тех стран, которые господствуют в нем.

Расширяется "псевдокультурное" поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу узнавания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. А это, как мы отметили выше, является наименее содержательной, если можно так сказать, наименее культурной частью культуры. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, т.е. наиболее простые компоненты. Безусловно, это предоставляет массу удобств, но одновременно лишает диалог между культурами всякого смысла. Сужается область неодинакового (недоступного, но потому и интересного, требующего особой культурной обработки) в культурах, подчиняя их либо некой искусственной суперкультуре (например, компьютерной культуре с фактически единым языком), либо просто растворяя менее развитые (в техническом плане) культуры в более развитой.

Интегративная суперкультура поглощает разнообразие локальных культур. Мы сможем понять любого человека в любой точке Земли, но лишь на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это порождает общение ради общения, общение без насыщения смыслами. Гипотетично, в будущем – это общение со своим зеркальным отображением, причем по заданным стереотипам коммуникации. Царство мертвой тождественности при огромной внешней активности. Общее коммуникативное поле, не имея границ и языковых барьеров, значительно расширяет возможности диалога, но одновременно значительно его упрощает. И некоторые последствия этого мы переживаем уже сегодня, что и заставляет наиболее пессимистически настроенных исследователей говорить о кризисе культуры.

Одновременно мы должны понимать, что изменение культуры неизбежно. Человечество уходит от одних традиций и вырабатывает новые. Оно меняет одежду и привычки, ритуалы и формы общения так же, как меняет формы коммуникации. Прира-

щение культурных ценностей должно опираться на традиции для сохранения культурного смысла ценностей. Но в то же время приращение культурных ценностей всегда осуществляется через критику традиций и отбрасывание некоторых "старых" ценностей. Следовательно, одним из центральных вопросов при решении указанных проблем является проблема культурного статуса новообразованных ценностей в сегодняшней, очень динамичной ситуации и, напротив, выделение "псевдокультурных" или "внекультурных" компонентов современной культуры.

Второй смысл, который я вкладываю в понятие "кризис культуры", – это *резкое увеличение скорости разрушения старых ценностей, сжатие временных рамок этого процесса, что не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционной знаковой системе ценностей*. Такое положение усугубляется тем, что мыслители, которые дают оценку сегодняшней ситуации, являются носителями прошлой, по отношению к сегодняшней, культуры, а потому и оценивают ее как бы из прошлого: они воспитаны в определенной системе традиций и естественно рассматривают их как некий культурный эталон.

Так было всегда. Но на современное состояние культуры стал оказывать колоссальное влияние научно-технический прогресс, особенно в сфере коммуникации, который изменил сами способы общения между людьми, а некоторые из них, например, письма как особые формы общения, на наших глазах просто исчезают из жизни. Таким образом, с одной стороны, происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных, а с другой – их адаптация к старым ценностным системам происходит как бы в более сжатых временных рамках.

Порой этот процесс укладывается в рамки жизни одного человека или того меньше. В результате почти "мгновенно" происходит разрушение старых систем ценностей и традиций, которые господствовали на протяжении столетий. Символы и образы старой культуры исчезают или меняют свой смысл и значение. Новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культуuroобразующий смысл остается не всегда ясным и открытым. **Нарушается синхронизация культуры**, когда новообразования в ней формируются столь стремительно, что не успевают адаптироваться к традиционной системе. Людям уже некогда "впитывать" новые ценности, постоянно соотнося их с предшествующими, и начинают их попросту потреблять.

Однако культура представляет собой очень гибкую самоорганизующуюся систему. Следовательно, в ней необходимо присутствуют структурные связи и отношения, которые обеспечивают ее целостность и неуничтожимость. В качестве такого механизма мы отмечали наличие в культуре ее верхнего и нижнего этажей. Как нам представляется, именно в соотношении высокой и низкой культуры происходят наиболее резкие изменения. **Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой**. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощению потребляемого продукта. В качестве низкой культуры выступает массовая культура (и наиболее распространенный ее вариант – поп-культура), имеющая совершенно иные формы репродукции и распространения. Действительно, кто лет семьсот назад мог узнать о четырех парнях из Ливерпуля, исполнявших незатейливые песенки. Люди на соседней улице через неделю, в другом городе через пару лет, в другой стране никогда или лет через пятьдесят. Сегодня это возможно практически мгновенно. Таким образом, доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования).

Поп-культура и философия

Поп-культура является наглядным примером нового образования, не имеющего фундаментального этнического, локально-культурного основания, хотя корни этого феномена можно найти в конкретных культурах. В силу того что расцвет данной культуры приходится на период мощного развития новых средств коммуникации, она

сразу отрывается от своих генетических корней и становится общим достоянием. Это типичное образование нового глобального коммуникативного поля.

Одним из ее признаков является то, что в рамках поп-культуры произведения неотделимы от воспринимающей массовой среды и средств технической репродукции. Исполняющий поп-музыку и слушающий ее – это одно целое, их невозможно представить друг без друга, что и обозначается в современном языке как "шоу".

Шоу – любопытный феномен, так как в нем коммуникативный контакт доведен до предела. В этом едином целом господствует не индивидуальное, т.е. отличное от другого творчество, а реализуется принцип соучастия или одновременного участия. Участие само по себе становится формой коммуникации, без необходимости передачи какого-то смысла. Поэтому и знание языка здесь практически не нужно или сведено к минимуму.

Все это, наверное, могло бы и не привлекать такого внимания, если бы не произошло почти карнавального переворота и шоу не стало бы частью нашей жизни, хотим мы этого или нет. Сегодня шоу как форма коммуникации навязывает свои законы всем сферам деятельности, включая науку и философию.

Октябрь 1993 года: люди собираются на мосту, на котором стоят танки, готовые стрелять по "Белому дому", а затем наблюдают за самим обстрелом. Ирак: атака американских десантников откладывается из-за того, что не успели приехать телевизионщики, которые должны вести прямой репортаж. А вот – смерть на электрическом стуле в США с предварительной продажей билетов и показом в сети Интернет. Не случайно такими модными становятся бесконечные реалити-шоу (типа "за стеклом"), которые сегодня смотрит весь мир, – не проще ли было бы вместо телевизора поставить большое зеркало. Мир становится большим шоу и работает по законам данного жанра.

Традиционное прослушивание музыки представляло собой внутренний диалог каждого отдельного человека с музыкальным произведением, и то, что в зале могло находиться много людей, не изменяло интимной сути восприятия музыки. Шоу опирается на активное поведение и взаимодействие массы, сиюминутно учитывает ее реакцию. Исполнитель воспринимается слушателями как часть их самих, и они требуют от него соответствующего их настроению поведения, а не элитарной отстраненности.

Шоу – этот современный карнавал – вошло в нашу жизнь, но в условиях совершенно иной информационной среды. В результате мы живем в обществе, в котором карнавал затянулся и вместо одной-двух недель или месяца длится почти постоянно.

Таким образом, нарушается естественный баланс между высокой и низкой культурой в пользу последней, вплоть до того, что она начинает выступать в виде официальной культуры как ее превращенная форма. *Карнавал, перейдя в саму жизнь и став постоянным явлением, отодвигает на периферию некарнавальные формы жизни.* Более того, в этих условиях образцы высокой культуры могут стать столь тиражированными, что сами превращаются в предмет массового, упрощенного потребления.

Для такого состояния культуры характерны признаки "низовой" культуры с определенной заданностью создаваемых культурных объектов, их широкой тиражируемостью и массовостью потребления. В ее центре стоит так или иначе понимаемая, как отмечает Г.С. Кнабе, **повседневность**, ставшая наивысшей культурной ценностью, которая, в свою очередь, сопряжена с такими формами жизненного поведения, как достижение успеха любыми средствами, стремление к комфорту и т.д. *Культурная оппозиция "низа"*, выступавшая, по замечанию Кнабе, в форме плебейского протеста низкой культуры народных масс против высокой Культуры¹⁹, *перешла в период своего господства.*

Новые условия коммуникации пронизывают все уровни общественного сознания, в том числе и заведомо рефлексивные, по определению отдаленные от обыденности.

¹⁹ См.: Кнабе Г.С. Ук. соч. С. 21.

Например, в современной науке возникает пласт адаптированных результатов, рассчитанных именно на массовое восприятие. Как есть поп-звезды эстрады или религии, справедливо отмечает Симон Кордонский, точно так же возникают и поп-ученые с полным набором атрибутики поп-звезды. И вновь происходит зеркальный карнавальный переворот. "Технологизированная наука жизненно нуждается в массовом потребителе, а значит – в воспитании и формировании массовых потребностей... Оказалось, что вкладывать деньги в персонифицированную научную рекламу и научные страшилки гораздо эффективнее, чем в получение нового знания"²⁰.

В классической культуре ученый всегда выступал от имени истины, которая чаще всего была недоступна обывателю. Над ним могли смеяться – его могли уважать, но не все обязаны были понимать. Сегодня результаты науки зависят от простоты их понимания потребителями. Не поэтому ли и у нас в стране так трудно стало именно фундаментальной науке? Не потому ли и образование пытаются подогнать под упрощенную модель, связывая его непосредственно с рыночными потребностями? Ведь востребованными становятся "не столько фундаментальные знания и творческая потенция ученого, оригинальные идеи и глубина замысла исследовательского проекта, сколько умение подать "товар" лицом, найти нужные формулировки и формы для рекламы... В итоге преимущество получают... проекты прикладного характера, реализация которых сулит быстрые, конкретные и весомые результаты"²¹.

Но если так, то неизбежно появляется имитация научной деятельности, подобная имитации на эстраде, когда поют под "фанеру". Имитация научной деятельности к тому же хорошо финансируется различными премиями и грантами и пользуется бесконтрольностью данной ситуации в обществе. Недавно по Германии прокатилась волна скандалов. "Видный гематолог и исследователь рака Фридрих Херманн в своих многочисленных публикациях подтасовывал данные. DFG в течение трех лет проводило собственное расследование, после чего сообщило – из 347 статей, опубликованных этим плодовитым биологом, 52 содержат фальсификации, а еще в сорока двух обнаружены основания подозревать манипуляцию данными"²².

Конечно, часто виновниками такого положения вещей выступают не сами ученые, а интерпретации их исследований со стороны СМИ, за редким исключением нацеленные на сенсацию. Именно СМИ выполняют функцию "попсизации" науки. Увеличение объема информации из мира науки, ограничение времени на разъяснение проблемы, особенно по ТВ, привели к тому, что "научное сообщение резко трансформируется – оно начинает жить по законам журналистики, а не научной публикации"²³.

Доминирование ценностей массовой культуры (низовой, хотя вовсе не обязательно плохой по качеству) стало объективно разрушать ценности высокой культуры. Одним из заметных проявлений этого процесса становится разрушение диалектики "прикровенности и откровенности". В рамках современной культуры оппозиция прикровенности и откровенности исчезает, и то, что раньше считалось необходимым скрывать от глаз "посторонних", становится открытым. Принцип открытости в современном общении, так наглядно реализующийся в знаменитой американской улыбке, проявляется и в более сложных феноменах. "Запретные" в рамках старой культуры взаимоотношения между людьми стали, напротив, наиболее модными и популярными. В обществе произошла сексуальная революция, которая вывела традиционно прикрытые (что не означает запрещенные) изображения сексуальной жизни людей и соответствующих переживаний за рамки интимности. При этом современная цивилизация вряд ли изобрела здесь что-либо принципиально новое и более разнообразное по сравнению,

²⁰ Кордонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. Электронная версия.

²¹ Акопян К. Шлягеризация науки // Там же.

²² Покровский В. Научная полиция против поп-науки // Независимая газета. 26.06.02.

²³ Там же.

например, с Кама-Сутрой. Но сам термин "интимность" семантически перевернулся. Сегодня на уровне обыденного сознания понятие "интимность" сопряжено не столько со словом "прикрытость", сколько с публичным раскрытием прикрытия, отражающего сам факт демонстрации запретного на широкую аудиторию.

Диспропорция, сложившаяся в культуре, не безобидна, особенно если она принимает затянувшийся характер и люди, родившиеся после ее возникновения, уже не знают иной культуры. Она порождает агрессивность по отношению к иным формам проявления культуры. Устойчивый и длительный характер такой альтернативности приводит к вырыванию из культуры ее основ в виде системы общечеловеческих ценностей и интересов. Причем эта ситуация не исключает возможности формально стоять и на позициях "высокой" культуры, замыкая ее в элитарных образцах, а значит, уменьшая возможности ее восприятия большим числом людей.

Сегодня необходимо стимулировать внутрикультурный диалог между высшей и низшей культурами. Это даст импульс для развития культуры в целом и преодоления тех образцов массовой культуры, которые выступают как антигуманные по своему внутреннему содержанию формы.

Философия, как принято считать, выступает квинтэссенцией культуры на ее конкретно-исторической стадии, а потому любопытно посмотреть, насколько она является самовыражением современного состояния культуры и насколько, соответственно, изменяются ее внутренние особенности. Иначе говоря, является ли философия неизменной и, будучи таковой, способной быть выражением любой культуры, или она также подвержена модификациям? И в этом смысле анализ постмодернизма²⁴ как философской концепции и постмодерна как особой культурной стилистики представляется весьма важным.

Для классической философии, как и всей культуры, которую она выражала, одной из характеристик творчества выступал принцип завершенности. Не случайно именно поэтому критика классической философии сопрягается, прежде всего, с критикой завершенного текста и принципа завершенности как такового, ибо в завершенности усматривается конец самой мысли. Это реализуется в нарастании деконструктивистских методов анализа завершенной структуры текста. Но поскольку текст – это основа культуры в целом, постмодерн выступает как альтернативная общекультурная позиция и основание критического отношения к классической культуре как таковой.

Внутри самой философии в строгом смысле слова – это не новое направление, ибо новое в философии появляется редко (если вообще может появиться), а форма, стилистика интеллектуального мышления, отражающая процессы, происходящие в человеческой культуре и обществе, которые мы охарактеризовали выше. Кстати, Лиотар определяет его как понятие именно для обозначения состояния культуры современного общества, которое отражает трансформацию отношения к "правилам игры", установленным в литературе и искусстве XIX в., для указания на изжитость основных принципов (или метанарративов), на которых базировался Запад.

Поэтому серьезным образом исследовать критические идеи постмодернизма, например, его критику научного мышления, в более широком смысле – рационального мышления, вообще-то говоря, не имеет смысла, ибо выглядит это достаточно банально. И классическое понимание рациональности, и метафизика критикуются не столько за обнаруженные слабости, сколько за принадлежность к классике. Все это в философии было, и неоднократно, в том числе со стороны аналитической традиции, причем в более серьезном виде.

Как отмечал А.Ф. Грязнов, если в 1920-е гг. на первый план вышел "предметно-объектный уровень исследования языка", то особенность постмодернизма в том, что он осуществляет "рефлексию над самими приемами анализа объектов". Фактически

²⁴ "Постмодернизм" используется нами в широком контексте как обобщающий термин, включающий в себя деконструктивизм и постструктурализм.

язык анализируется не как средство понятийного анализа объектов, а как своеобразное демоническое начало, которое само навязывает структуру объектам и бытию в целом. В результате происходит абсолютизация методов деконструктивного разрушения рационализма и метафизики, причем деконструкция сама по себе становится в центр философской рефлексии.

Поскольку рационализм в философии был реализован в системе утверждений, которая воспринимается читателем как текст, построенный по определенным законам, то подвергается сомнению сам факт того, что рациональная интерпретация мира выступает как наиболее верная и даже единственная. Предлагается как нечто новое иное "языковое" прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания прежде всего устоявшихся языковых стереотипов и поиска новых смыслов и значений и т.д. Но ведь серьезный мыслитель вряд ли сводит все лишь к узко понятой рациональной интерпретации.

Реакция постмодернизма на чистую метафизику и абсолютный рационализм заставляет вспомнить, что философия первоначально вышла из литературы и поэзии, и корни этой изначальной связи действительно необходимо учитывать. Философию нельзя строить сциентистски – по образцу наук. И как экзистенциализм поправил представления о ценностно-эмоциональных сторонах философии, точно так же постмодернизм обращает внимание на важность аспекта самовыражения философии, самой формы этого самовыражения, которая может оказывать обратное влияние, создавая и подчиняя себе рефлексивные структуры. Конечно, рассматривать мир только как Текст – абсолютизация, но почему бы не рассматривать мир и как **Текст**.

Вообще, как это ни прозвучит странно, постоянные попытки разрушения философии в силу их нереализуемости не столько вредны, сколько полезны, ибо цементируют само здание философии, вырабатывая в ней иммунитет, заставляя формулировать новые фундаментальные аргументы, оправдывающие необходимость ее существования. И в этом плане постмодернизм и деконструктивизм весьма конструктивны.

Самое главное в данном умонастроении – это его адекватность современному состоянию культуры, которое он предупредил, в которое он удачно влился. Именно поэтому постмодернизм – а это не так часто бывает по отношению к философским концепциям – стал популярен в культуре и обществе в целом, являясь (я специально употребляю выражение, характерное для массовой культуры) хорошо раскрученной концепцией.

В этой раскрутке постмодернизму чрезвычайно повезло. Новая коммуникативная система, такая как Интернет, оказывается почти полной реализацией его теоретических устремлений. Смерть автора, вариативность интерпретаций текста, хаотичная структура или бесструктурность, бесконечность переходов между фрагментами текстов. Все это уже есть в Интернете. Например, основной характеристикой гипертекста, этого одного из главных компонентов перехода от текста к тексту в Интернете, "является отсутствие непрерывности – прыжок: неожиданное перемещение позиции пользователя (читателя. – *М.В.*) в тексте"²⁵. Таким образом, читатель волен продолжать текст, перепрыгивать из него в другой и даже развивать иные сюжетные линии.

Если в классическом тексте сюжет задан раз и навсегда самим автором и именно автор выбрал в какой-то момент такое развитие событий, что Анна Каренина оказалась на железнодорожных путях, то в гипертексте можно развивать совсем иную сюжетную линию или даже несколько сюжетных линий. Таким образом, перед нами совсем иной вид не просто Текста, но и возможностей для творчества.

Это таит в себе массу проблем. Например, ранее для нас гарантией авторства текста фактически был переплет, на котором значились имя автора и издательство. В этом был определенный минус, так как указание автора "до прочтения" навязывало нам стереотип восприятия. Вряд ли, прочитав на обложке имя Пушкина, мы могли

²⁵ Там же.

позволить себе усомниться в гениальности произведения. Это признак классической локальной культуры, навязывающей культурные стереотипы (хотя именно такое навязывание и позволяет вырабатывать некий культурный оселок, без которого трудно научиться отбирать действительно культурные явления).

Если ранее мы могли лишь образно говорить о семиотическом пространстве, в рамках которого размещаются все концепции (а философия представляет собою вне-временной диалог всех мыслителей), то сегодня виртуальное пространство Интернета может дополнить указанный диалог почти реальным участием. А в этом диалоге нет понятия истории как чего-то прошедшего и нет понятия будущего как чего-то наступающего. Здесь царство одновременности, в котором все мыслители – и прошлого, и настоящего – становятся современниками, ведут между собой разговор, взаимоотрицая и взаимодополняя друг друга. Иное дело, как сохранить смысл в таком диалоге.

Постмодерн заостряет проблему философской интерпретации. Но разве это не обсуждалось в философии всегда? Что есть история философии? Незыблемые памятники или средство раскрытия нового? Что важнее: зеркально адекватное репродуцирование идей Платона или интерпретация его текстов и тем самым приращение новых философских смыслов? – Вопросы непростые и вечные для философского сообщества.

Раскрутка была необходима постмодернизму как форма защиты от академической среды, после чего он стал почти неуязвимым, как раскрученная поп-звезда. Но популярность и трудна, так как требует постоянной подпитки и расширения сферы влияния: постмодернизм непрерывно вынужден обращаться к массам, и не только философским, иначе он сразу же затеряется среди других, не менее интересных философских концепций. И это, наверное, уже происходит, ибо появились классики постмодернизма. Поэтому надо успокоиться, поставить книги на свое место в библиотеке и периодически на них поглядывать.

Упомянутые концепции выразили собой тенденцию разрушения "старой" культуры как системы отдельных локальных культур и создания на этой базе иного образования, основанного на неизмеримо более широком коммуникационном пространстве с одновременной фрагментаризацией восприятия культуры отдельным человеком. Клиповое сознание – это умонастроение эпохи, когда человек устал читать толстые тексты – будь то образцы литературы или философии; он объективно не имеет для этого времени, которое заполнено фрагментами новообразованных культурных феноменов, и одновременно стал более свободен в собственном мыслиеизъявлении. Это позволяет ему скорее строить собственные объяснения тех или иных феноменов, чем накладывать предлагаемые ему схемы, которые при этом нужно еще как-то освоить.

В данном плане феномен "мыльных опер", которые просматривает абсолютное большинство современных людей, причем среди них много тех, кто прекрасно осознает художественную "ценность" данных творений (с позиции соотнесения опять же с классическими образцами), вполне объясним. Человек не имеет возможности и времени держать в голове некую структуру (идею автора, как это было в классике), которая разворачивается посредством сконструированной другим человеком фабулы, развивающей "глубокую" идею. Наблюдение вместо рассуждения – вот одна из установок такой культуры. Причем особенность восприятия такова, что человек в любой момент может выйти из воспринимаемой системы без последующего ощущения какой-то неоконченности, как это могло быть в случае прерывания чтения классического романа, и вновь с любого места войти в нее.

В этом смысле постмодернизм еще раз обратил наше внимание на значимость тех явлений, которые в силу их "бытийности" (от слова "быт", а не "бытие") оставались вне сферы философской рефлексии, хотя всегда были элементами человеческой коммуникации, а значит, и элементом человеческой культуры. Ведь культура не сводима к неким рафинированным образцам, которые в качестве таковых признаются какой-то группой людей. К ней относится все, что имеет знаковый характер и несет информацию о мире. Найти смысл в этой информации или сконструировать новые смыслы

может составлять одну из задач философии. Ни один объект не является зазорным для философа в силу его незначительности или обыденности. Конечно, это в некоторой степени может сопровождаться эпатажем общественного мнения, но эпатаж всегда был свойствен практическим философам, вспомним хотя бы Сократа.

Постмодернизм оттеняет внерациональные и языковые компоненты философии, которые на самом деле постоянно в ней существовали, но в силу определенных социокультурных обстоятельств отошли на второй план перед чисто рациональными задачами систематического объяснения бытия. Понятие философии, конечно, не сводится ни к тому, ни к другому: ни к жесткой, раз и навсегда выбранной модели рациональности, ни к ориентации лишь на внерациональные способы философского постижения бытия.

Популярность постмодернизма заключается в том, что он оказался на стыке тектонических сдвигов, происходящих в человеческой культуре, и, как это ни парадоксально, может стать тем мостиком, который будет нас связывать со старой традиционной культурой. Это типичный пример альтернативной концепции, которая вполне адекватна современному состоянию развития культуры, в каком-то смысле является "душой", самовыражением именно этого периода ее развития, а значит, вариантом философствования. Постмодерн провоцирует философские размышления, заставляя нас вновь и вновь задумываться о сущности философии и о философствовании, которое необходимо сопряжено с интерпретацией смыслов.

Философия выступает как реализация творческих потенций человеческого сознания, которые осуществляются на самом обширном, первично-бытийном, коммуникационном и семиотическом пространстве, включающем в себя как рациональное исследование феноменов бытия, так и конструирование новых смыслов, позволяющих взглянуть на мир "с иной стороны" – стороны эстетико-художественного восприятия мира и человеческих взаимоотношений. Именно поэтому человек может наслаждаться философским текстом как произведением искусства, наподобие картин Рафаэля или стихов Шекспира и Гете, воспринимая его как прежде всего эстетическое произведение.

Особенностью философской интерпретации является то, что создаваемые новые смыслы могут значительно перерастать рамки интерпретируемых произведений даже по объему. Это самостоятельный творческий процесс смыслообразования. Философ интерпретирует, исходя из анализа предельных взаимоотношений (закономерностей), которые существуют между миром и человеком на всех уровнях, и личностных переживаний мира, самого себя.

Философия глубоко личностна. И философ интерпретирует, учитывая весь социокультурный контекст эпохи, те ценности, которые носят общечеловеческий и индивидуальный характер, преломляя их через свое миропонимание и мироощущение, импровизируя и рассуждая. Поэтому философия является интегральной формой интерпретации, осуществляемой на уровне самосознания всей общечеловеческой культуры.